

Межевой.

(Повѣсть изъ жизни землеустроителей 90-годахъ).

IV¹⁾.

Зима пронеслась какъ-то незамѣтно среди городскихъ развлеченій и занятій. Я далеко былъ отъ мысли, что „меня сократятъ“, но другіе межевые и многіе изъ производителей думали объ этомъ, говорили полунамеками и обиняками. Хотя и оставались только два года до положеннаго срока „сокращенія“ и „упраздненія“, но грозный призракъ мерещился въ туманѣ, а въ душѣ cadaго изъ трепетавшихъ ворочалась мысль: „а можетъ быть это враки... раздумаютъ, и еще оставятъ межевать и предъявлять... безъ конца“. Самъ генералъ нѣсколько скептически относился къ этимъ страхамъ и, поддерживаемый „Агафономъ“, нѣкоторыя—понудительныя бумаги изъ Петербурга пропускалъ между пальцевъ или клалъ подъ сукно.

— Опять по шеѣ попало, ворчалъ въ такихъ случаяхъ Фелицынъ, имѣвшій привилегію всѣмъ, начиная съ генерала, „рѣзать“ въ лицо откровенно.

— Ну и что жъ изъ этого? Чего вы каркаете!—морщась, отшучивался генералъ.

— Не каркаю... а копать нельзя, 25 лѣтъ копаемся съ губерніей, разгонять насъ, вспомните мое слово, что разгонять, говорилъ Фелицынъ. Генералъ въ ужасѣ отъ него убѣгалъ въ другую комнату и бросался къ токарному инструменту, доставлявшему ему развлеченіе отъ тревоженій жизни. Фелицынъ

¹⁾ См. „Русская Старина“, сентябрь 1914 г.

какъ ураганъ влеталъ къ „Сократу“. Тотъ ужъ по походкѣ чувствовалъ, что „страслось“.

— Опять?... спрашивалъ Крючковъ, показывая пальцемъ сверху внизъ.

— Опять... здорово влетѣло...

— Точить побѣжалъ... онъ?—спрашивалъ Крючковъ, напирая на послѣднемъ мѣстоименіи.

— Точить, былъ короткій отвѣтъ.

— Плохо, глубокомысленно говорилъ Крючковъ, гатягиваясь папиросою и срываясь со стула, а все „слѣпой“ дѣлаетъ... все онъ орудуетъ тамъ, и палецъ Крючкова поднимался кверху.

Подъ „слѣпымъ“ подразумѣвался петербургскій ревизующій генералъ Вершининъ, который плохо видѣлъ и смотрѣлъ всегда вверхъ зрачками своихъ свѣтлыхъ глазъ, для того, чтобы увидать человѣка, стоящаго противъ него. Это не мѣшало ему съ помощью секретаря усиленно работать и „все видѣть, что скрывалось“.

V.

На улицахъ стоялъ густой туманъ отъ мороза, мороза крѣпкаго, здороваго, не проитаннаго міазмами Петербургскихъ испареній, застывающихъ въ воздухѣ и пронизывающихъ нутро человѣка. Это былъ здоровый сѣверный морозъ, щиплющій уши и носъ. Словно подгоняемые его властною рукою, бѣжали прохожіе, закутанные въ шубы и дохи, быстро скользили сани по скрипучему, бѣлому снѣгу... отъ лошадей съ закорузлою и заиндевѣвшей шерстью валилъ паръ при первой ихъ остановкѣ. Былъ праздникъ, и я сидѣлъ дома, ощущая удовольствіе отъ тепла, разлитаго въ моей уютной квартирѣ, подысканной мнѣ Фелицынымъ у его хозяйки, старушки-вдовы, имѣвшей домъ съ флигелемъ, который занималъ Фелицынъ. Кто-то снаружи сильно дернулъ за звонокъ, жалобно и протяжно зазвенѣвшій. вмѣстѣ съ клубомъ пара и морознаго воздуха вошелъ въ старую порыжѣвшей енотовой шубѣ Ѳ. Ив. Крючковъ и сталъ медленно протирать заиндевѣвшія очки.

— А я къ вамъ-съ посмотрѣть, какъ вы живете, ухъ, какой морозъ!—и онъ, методически отрывая сосульки отъ нависшихъ на губы усовъ, усѣлся въ кресло.

— Ну вотъ видите, какъ у васъ уютно, говорилъ онъ, осматривая мои холостыя три комнаты, какъ въ раю...

— Это потому вамъ такъ кажется, Ѳед. Ив., что вы у меня рѣдко бываете... разъ въ годъ.

— Я-съ дѣйствительно рѣдко выхожу изъ дому... а ужъ если выйду, такъ не просто-съ, а по какому-нибудь дѣлу.

— И ко мнѣ сейчасъ по дѣлу?

Всенепремѣнно, и при этомъ Оед. Ив. крякнулъ и сталъ закуривать папиросу. Вы знаете, что вчера моя супружница разрѣшилась седьмымъ по счету младенцемъ.

— Мальчикъ?

— Мальчишка... И сегодня мы его намѣрены окрестить, ибо никогда этого дѣла въ долгій ящикъ я не люблю откладывать, а васъ я приглашаю въ крестные отцы...

Я, никогда не бывавшій въ этой роли, смутился и сталъ отпѣкиваться, ссылаясь на тѣ обязанности, каковыя возлагаются на крестныхъ отцовъ.

— Никакихъ обязанностей этихъ у насъ нѣтъ... Вы отправитесь вечеромъ въ церковь, туда привезетъ тетка его, погрузятъ въ воду и... шабашъ.

— Но вѣдь сегодня сильный морозъ въ 30°. Можно простудить ребенка, отчего же вы не хотите окрестить ребенка у себя дома?—спрашивалъ я.

— Фю-ю! Дома-съ... нѣтъ, отецъ родной, у меня вѣдь ихъ шесть штукъ, если для каждаго устраивать особыя торжественныя крестины, такъ тогда не на что будетъ имъ башмаковъ купить... А на морозъ наплевать! Закутаемъ младенца въ шубу и прекрасно свеземъ... Мои ребята всѣ такъ крестились и мороза ничуть не боятся... И, знаете, гдѣ много ихъ, живучи, какъ клопы, ихъ ничто не беретъ...

Убѣжденный такими аргументами, я согласился принять на себя новую роль. Крючковъ посидѣлъ у меня не долго, выпилъ чарку водки, закусилъ пельменями и, закутавшись въ свой порыжѣлый епотъ, „двинулся“, по его выраженію, „восвоися“. Изъ окна я смотрѣлъ на его удаляющуюся, нѣсколько согнутую фигуру, ярко обрисовавшуюся на бѣломъ фонѣ снѣга...

По обязанности „крестнаго“ я сталъ чаще навѣдываться къ „куму“ и присматриваться къ его жизни. И когда онъ бывалъ въ крайнемъ раздраженіи на всѣхъ домашнихъ, особенно на жену, которую въ эти минуты называлъ „мужичкой“, доставалось тогда не мало подзатыльниковъ и ребятамъ... Разъ какъ-то послѣ усиленнаго сидѣнія въ чертежной онъ подошелъ ко мнѣ.

— Вотъ что, кумъ, сказалъ онъ, что-то скверно мнѣ сегодня, пойдемте куда-нибудь пообѣдать, мнѣ дома такъ надоѣло, такъ надоѣло, и онъ тяжело вздохнулъ. Мы отправились съ нимъ

въ ресторана, деньги у него всегда водились, свои или чужія, но водились. Мы засѣли въ отдѣльный кабинетъ, и за обѣдомъ съ обильнымъ возліяніемъ, при чемъ Ѳ. И обнаруживалъ не мало тонкаго пониманія въ блюдахъ и винахъ, начался разговоръ „по душамъ“.

— Я-съ женился недавно... всего три года тому назадъ, приживши съ моей женой до свадьбы пять человѣкъ дѣтей, а вы знаете, сколько мнѣ лѣтъ?

— Не знаю.

— По формуляру 59, а на самомъ дѣлѣ 65.

— Неужели?—воскликнулъ я, а я бы вамъ не далъ болѣе 50, но отчего же такое несоотвѣтствіе формуляра съ дѣйствительностью?

— Бываетъ-съ, отвѣчалъ онъ тонко, усмѣхаясь и щуря свои зоркіе глаза. Такъ мнѣ нужно-съ, ибо я еще хочу служить.. а пенсія, пенсія будетъ небольшая, если я выйду въ отставку... Такъ вотъ-съ.. съ моей женой я сошелся такъ-съ просто, за ея красоту.. она красавицей была. Но совершенно необразованная, мужичка-съ., шитьемъ занималась, я съ ней сошелся и все прочее.. понимаете.. я былъ холостъ тогда, свободенъ, какъ вѣтеръ... жизнь въ копѣйку цѣнилась, эхъ, посмотрѣли бы вы тогда, какъ я жилъ. И какъ напала эта самая любовь и теперешняя моя жена ко мнѣ переѣхала, все рухнуло, вся моя вольная веселая жизнь, и началась кабала, мужицкая.. пошли ребята, и они воспитываются по-мужицки и ругаются площадными словами, хоть и въ гимназіи учатся, эхъ!—и онъ, крякнувъ, съ остервенѣніемъ затащилъ папирсою. Наступило молчаніе.

— Вотъ видите-съ, злобно добавилъ онъ, какъ я передъ вами расчувствовался, разоткровенничался! со мной это рѣдко бываетъ... не люблю я этого и злюсь на себя потомъ, и онъ отвернулся, пуская клубы дыма..

VI.

Наступила весна. Ея дуновеніе и ароматы носились въ воздухѣ. Распускающіяся почки деревьевъ городского сада изливали бальзамъ влажной молодой зелени. Небо было чистое, прозрачное и ясное до безконечности. Въ этой свѣтлоголубой атмосферѣ носились голуби яркими пятнами, гоняясь другъ за другомъ и не теряя изъ виду будки, изъ которой они были выпущены. Въ ясной выси надъ ними стояла точка, почти не-

подвижно. Въ эту точку обратился турманъ, оставившій своихъ друзей и поднявшійся ближе къ солнцу.. Онъ замеръ въ своей неподвижности и смотрѣлъ на землю, свободный отъ всякихъ преградъ, создаваемыхъ ему людьми, его сторожившими, окруженный ясной, воздушной чистой средой... Но это былъ мигъ его гордости; его высоты... Земля его потянула къ себѣ... Онъ шевельнулся среди неба и стрѣлой ринулся къ низу, нѣсколько разъ перевернувшись во время молніеноснаго полета. Какъ магнитъ, его притянулъ длинный шестъ, находившійся въ рукахъ Крючкова, стоявшаго на лѣстницѣ, приставленной къ голубиной будкѣ, помѣщавшейся во дворѣ.

— Видите, какой онъ у меня умный, мой турманъ, говорилъ Федоръ Ивановичъ, обращая ко мнѣ, состоявшему около лѣстницы, свое сморщенное красное лицо съ очками, блеснувшими на солнцѣ.

— Онъ все видитъ, тамъ, вверху... и здѣсь на землѣ... онъ мыслить...

— Обладаютъ ли мыслью голуби?

— Обязательно... у него такіе разумные глаза, что только не говорить.. цѣны нѣтъ моему турману, и онъ съ любовью погладилъ его пестрыя крылья, когда тотъ дался ему въ руки, и дѣйствительно смотрѣлъ вдумчиво своими маленькими прозрачными глазами.

— Птица, а умнѣе другого человѣка, особенно изъ межевыхъ, охъ, ужъ эта мнѣ публика, говорилъ Крючковъ, приманивая другихъ голубей и загоняя ихъ въ будку.

— Довольно, добавилъ онъ, поупались въ воздухѣ, полетали на свободѣ и пора домой, въ клѣтку. ибо и мы, люди, всѣ сидимъ въ клѣткахъ, и съ этими словами Крючковъ, заперевъ будку и поправивъ очки, сошелъ, осторожно ступая по ступенькамъ лѣстницы, на землю.

— И намъ обѣдать пора... пойдѣмъ въ горницу...

Я не любилъ обѣдать у Федора Иваныча, хотя онъ нерѣдко меня удерживалъ для этого у себя послѣ занятій въ чертежной. Всегда у него въ столовой пахло какимъ-то кислымъ запахомъ, было всегда неопратно за столомъ, а главное его дѣтвора шумѣла за обѣдомъ до невозможности, заглушая разговоры взрослыхъ, несмотря на увѣщеванія и подзатыльники родителей. Особенно ожесточенно дѣти дрались изъ-за дымящагося жирнаго мяса, подаваемого передъ супомъ, которое съ особеннымъ вниманіемъ и наслажденіемъ разрѣзывалъ Федоръ Ивановичъ, объясняя мнѣ, что это „мясо первый сортъ, реко-

мендую". Это мясо рвали на куски оба гимназиста - подростка, и едва оно появлялось на ихъ тарелкахъ, какъ они хватали его помимо ножей и вилокъ своими запачканными въ чернилахъ пальцами и съ жадностью ѣли. Я всегда ужасался ихъ жадности и думалъ, сколько же надо на такую ораву мяса? Федоръ Иванычъ ѣлъ медленно, основательно, шевеля челюстями, и мало говорилъ во время ѣды, а больше мычалъ, отъ времени до времени наливая изъ графина, со стекляннымъ пѣтухомъ внутри, водку въ маленькія граненныя рюмки себѣ и гостю. Его обычное меню были мясо со щами и гречневая каша, въ праздники же передъ кашей подавался гусь, при чемъ онъ заранѣе заявлялъ, что „мы сегодня гуся будемъ ѣсть“. И надо было видѣть, какъ разгорались глазенки у всей дѣтвора, когда на столъ несли гуся, они сразу умолкали, жадно впивались взорами въ лоснящіеся куски разрѣзанной жирной птицы, обложенной поджаренной капустой. И въ этотъ разъ тоже ожидался гусь, и когда его подали на большомъ блюдѣ и жена Крючкова стала его рѣзать, дѣвочка-подростокъ, смотрѣвшая ехидно своими красивыми глазами на меньшаго гимназиста, сказала тихо, но внятно:

— Папка, а вчера Петька двойку получилъ по ариѳметикѣ, а тебѣ не сказалъ....

— Врешь, сказалъ отецъ.

— Нѣтъ, не вреть, а правду говоритъ Манька, авторитетно баскомъ сказалъ старшій Андрей.

— Кто двойки получаетъ, тотъ гуся не ѣсть, ступай вонъ изъ-за стола, членораздѣльно проговорилъ Федоръ Ивановичъ, внушительно изъ-подъ очковъ посмотрѣвъ на виноватаго. Тотъ сморщился, началъ всхлипывать и, однимъ глазомъ косясь на гуся, не двигался съ мѣста.

— Ступай, коли отецъ говоритъ, вполголоса сказала мать ему. Онъ все еще не двигался, лишеніе казалось ему не по силамъ.

— Вонъ!!!—вдругъ рявкнулъ неожиданно Федоръ Ивановичъ и страшно побагровѣлъ. Тотъ, всхлипывая, испуганно всталъ, гремя табуретомъ, и ушелъ причитывая въ уголь.

— Терпѣть не могу лѣнтяевъ, обратился Федоръ Ивановичъ ко миѣ, не учился совсѣмъ балбесъ... что жъ свиней пасти что-ли хочешь, когда вырастешь и станешь дубиной?

— Д-да... вонъ... Андрюшкѣ... сбавили въ поведеніи за четверть, небось... ему д... да... ли... гу... ся, хныкалъ мальчикъ въ углу.

— Андрюша хорошо учится, замѣтилъ отецъ, а если еще будетъ шалить, порка будетъ, не посмотрю, что второй ученикъ второго класса.

— Анъ, вѣтъ не будетъ, отрѣзалъ Андрей.

— Будетъ, спорила дѣвочка.

— Молчите, глупые, точно ерши, все дерутся да ссорятся межъ собою, останавливала ихъ мать.

— Не „межъ собой“ а „между собой“, научись говорить, а потомъ и останавливай, огрызся Андрей. Раздался въ отвѣтъ подзатыльникъ со стороны мамыши, довольно звонкій.

— Ну, и публика, со вздохомъ сказалъ Федоръ Ивановичъ, вставая изъ-за стола, пошли намъ пива въ кабинетъ, обратился онъ къ женѣ, тамъ будетъ покойнѣе.

Пиво принесъ на подносѣ бутузъ, именуемый „Федоромъ Федорычемъ“.

— Папка, дай пятакъ, сказалъ онъ, когда бутылки со стаканами благополучно были поставлены на мѣсто, при чемъ голова бутуза едва достигала до стола.

— Зачѣмъ тебѣ? — спрашивалъ отецъ, вонзая штопоръ въ пробку.

— Папка, дай пятакъ, я пряникъ куплю, просилъ мальчикъ, смотря на меня задумчиво своими круглыми глазами.

— На тебѣ и отвяжись, сказалъ отецъ, доставая изъ кошелька монету.

Схвативъ ее всей пятерней, бутузъ бросился со всѣхъ ногъ бѣжать изъ комнаты.

— Такъ мы нынче поѣдемъ на сѣверъ работать въ Ч—скій уѣздъ къ „чердакамъ“... получили это извѣстіе отъ „самого“? — спросилъ Федоръ Ивановичъ, обмакивая свои солдатскіе усы въ стаканъ съ пивомъ.

— Какже получилъ, и эта глушь мнѣ не особенно улыбается, а главное работы новыя и трудныя.

— Да-съ... нелегкія двѣ волости вамъ дадены... начинай все сначала, Господи, благослови, и съемку и опредѣленіе надѣловъ крестьянскихъ и предъявленіе—все это въ одно лѣто надо скрутить... удивительно у насъ все дѣлается, то мы копаемся, какъ кроты, и въ 20 лѣтъ не можемъ оборудовать уѣздъ, а когда по шеѣ дадутъ, спѣшимъ чуть ли не въ одно лѣто уѣздъ закончить... удивительно!

— Неужели еще ничего въ Ч—скомъ уѣздѣ не сдѣлано?

— Ничего-съ...

— Какихъ же межевыхъ вы мнѣ дадите?

— Я вамъ отобралъ самую, что ни на есть, молодую гвардію.

— Можетъ быть, совсѣмъ неопытныхъ, что же я съ ними буду дѣлать?..

— Все спеціалисты, кончившіе землемѣрное училище, ну, есть одинъ—сынъ Палкина, тотъ съ домашнимъ образованіемъ, такъ его некуда дѣвать... начальникомъ вашего штаба поѣдетъ, по предписанію генерала, господинъ Остапенко... онъ съ ними съумѣетъ управиться, да еще старый Пищиковъ; среди молодыхъ есть одинъ опытный, Басневъ... Мы такъ распредѣлимъ, что первое время молодые поучатся у болѣе старыхъ, ну, съ недѣлки двѣ, а потомъ начнутъ одни работать подъ руководствомъ Остапенки... и пойдеть у васъ все какъ по маслу... безъ сучка и задоринки... А тутъ „слѣпой“ пріѣдетъ на ревизію, и вы тогда ухо остро держите, а я васъ постараюсь заблаговременно предупредить объ его пріѣздѣ...

На другой день я пошелъ въ чертежную смотрѣть свою „гвардію“, которая дѣйствительно оказалась на подборъ — молодецъ къ молодцу и такихъ было около десятка. Всѣ они рвались къ дѣлу, для нихъ еще совершенно новому, не опостылѣвшему и не набившему оскомины. Ихъ знанія, полученные при ученѣ, еще не вывѣтрились, не покрылись плѣсенью рутины и формализма, они не знали еще тѣхъ терній, которыя ихъ ожидали въ тяжелой межевой работѣ. Сравнительно съ ними казался контрастомъ дѣдъ Пищиковъ, старый, межевой, съ длинной библейской бородой, въ крупныхъ очкахъ на жилистомъ носу, съ тягучей, монотонной рѣчью, выходящей изъ шамкающаго рта, въ которомъ словно застрялъ картофель.

Остапенко былъ угрюмъ и недоволенъ...

— Ну какъ вы находите вашихъ молодыхъ помощниковъ?—спросилъ я его.

— А на кой лядъ мнѣ такихъ жеребятъ? Придется ихъ тыкать носомъ въ каждой малости, ворчалъ онъ... Имъ еще въ жмурки играть да на собакахъ шерсть бить, а не по межѣ ходить.

— Да вѣдь и вы были молоды когда-нибудь, и вы начинали...

— Безъ фанфаронства - съ... а я ужъ по рожѣ каждого вижу, какіе это гуси... Землемѣрное училище! землемѣрное училище! Эка невидаль... вся ихняя долбежка да геодезія—въ натурѣ къ чорту пойдеть... придется мнѣ съ ними повозиться... Охъ, ужъ этотъ Федоръ Иванычъ, вотъ гдѣ онъ у меня сидитъ! Удружилъ вашъ кумъ!

— Да вѣдь и мнѣ также, не только вамъ...

— Вамъ что? Вы будете съ крестьянами соглашенія дѣлать, а мы вѣдь вамъ должны будемъ готовую съемку дать и раздѣлать ее подъ орѣхъ, а вы ужъ по нашимъ планамъ будете предъявлять надѣлы... а какъ тутъ сообразишь... когда эти „балбесы“ еще и въ полѣ-то не бывали?!

— Ничего, научатся...

— Вамъ-то ничего, а мнѣ-то какво! А прежде начинали такіе молокососы съ домашнихъ услугъ... мензулу еще ставили старымъ межевымъ, калоши подавали, въ лавочку за табакомъ бѣгали...

— Такъ вѣдь тѣ были безъ средняго образованія.

— А на чорта лысаго мнѣ это образованіе?.. опытъ, практика, вотъ что нужно-съ! Я вотъ никакихъ училищъ не проходилъ, а слава Богу добился до старшаго топографа и въ съемкѣ собаку съѣлъ...

Молодые тоже косились на Остапенко и, видя во мнѣ человѣческое отношеніе къ нимъ, съ перваго же раза стали тяготѣть на мою сторону, хотя посредствующею инстанціею между мною и ями являлся ихъ завѣдующій Остапенко... Начались обычные сборы, и скоро чертежная опустѣла.

П. И. Соколовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

